

Е. В. Корень

г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

ИДЕЙНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЛИЧНЫХ СУДЬБАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕКАБРИСТОВ)

Принадлежность к интеллигенции в России определялась общественно-политической активностью, интеллектуально-творческой деятельностью, приверженностью к идее «общественного блага», предпочтением духовных ценностей материальным, общенациональным интересам – сословным. Передовая русская интеллигенция, сформировавшаяся на основе дворянской интеллектуальной элиты, ратовала «во имя всенародной правды», как подчеркнул Н. А. Бердяев [1, с. 68–71]. Вся её история (от конца XVIII–первой четверти XIX в.) насыщена культурно-просветительской деятельностью, утверждением духовно-нравственных и гражданских ценностей. Д. С. Лихачёв охарактеризовал интеллигенцию как «духовное сообщество» людей, отличающихся благородством, мужеством, чуткостью совести, внутренней свободой и ответственностью [2, с. 3–5]. Активная общественно-политическая деятельность, противостояние социальному и моральному злу (например, самодержавно-крепостническим порядкам) неизбежно налагали печать на личные судьбы людей.

Первым наиболее широким и резонансным в истории России выступлением интеллигенции во имя общенародных интересов явилось движение декабристов, вылившееся в ряд восстаний в конце 1825 г. Неудавшаяся попытка членов тайных обществ, воспользовавшись междуцарствием, добиться уничтожения крепостного права и проведения конституционных преобразований, привела к изъятию из общества большого числа незаурядных людей. Эти события определили не только судьбы самих участников политического заговора, но и повлияли на жизненно-нравственный выбор их близких. Если до восстания декабристов либерализм был популярен в интеллектуальных столичных кругах, то после тон резко поменялся. «Никто (кроме женщин) – вспоминал А. И. Герцен, – не смел показать участия, произнести теплого слова о родных, друзьях, которым ещё вчера жали руку, но которые за ночь были взяты... Одни женщины не участвовали в этом позорном отречении от близких» [3, с. 47–48].

Широкую историческую известность имеет история поездки в Сибирь жён декабристов. Эта тема неизменно привлекала внимание, как историков, так и деятелей искусств,

была овеяна ореолом романтизма. В советской литературе она получила идеологическую интерпретацию, как и всё, что было связано с историей революционного движения.

По закону жены государственных преступников могли считать себя освобожденными от брачных уз и даже имели право выйти замуж вторично. И такие факты были. Так, дочери сенатора Бороздина Мария (жена И. Поджио) и Екатерина (жена В. Лихарева) по настоянию родственников отказались от супругов. Другие же (Е. И. Трубецкая, А. Г. Муравьева, А. В. Розен, Е. П. Нарышкина, А. В. Ентальцева, М. К. Юшневская, М. Н. Волконская, А. И. Давыдова, Н. Д. Фонвизина, П. В. Анненкова, К. П. Ледантю) предпочли разделить участь осуждённых. Исследователь Ю. М. Лотман, анализируя факты из истории повседневной жизни декабристов, пришёл к выводу, что «поведение декабристок было актом протеста и вызовом» [4, с. 181]. Однако в ряде случаев был сделан сознательный и добровольный выбор слишком суровых испытаний, трудной жизни. Это можно объяснить как выражение продуманной идейно-нравственной позиции.

Немалую роль в судьбе этих женщин сыграл тот идеал поведения, который культивировался в декабристской среде, отразился в программных документах и художественном творчестве декабристов. Так, в «Законоположении Союза благоденствия» отмечено, что «достойнейшее поприще» для женщин – «в распространении возвышенных чувствований» «любви к отечеству и к истинному просвещению», в «воспитании детей сходно с правилами добродетели и веры» [5, с. 34–36]. На представления людей декабристского круга о семейно-нравственных ценностях значительное влияние оказала патриархальная традиция (когда опальных бояр и дворян сопровождали их жены и даже семьи), получившая в первую четверть XIX в. романтическую интерпретацию гражданского подвига.

К. Ф. Рылеев в «думе» «Наталья Долгорукова» и в поэме «Войнаровский» показал такой идеал «гражданки и супруги», которая могла «жар к добру души прекрасной, в самом страданье сохранить» («Войнаровский») [6, с. 230]. Н.Б. Долгорукая, дочь сподвижника Петра I, генерала Шереметьева, была только помолвлена с фаворитом Петра II, И. Долгоруким, когда тот подвергся опале по вступлении на престол императрицы Анны Ивановны. Графиня Шереметьева могла отказаться от брака, но предпочла разделить судьбу жениха, забыв «родной свой град // Богатство, почести и знатность...» [6, с. 186–187]. Выйдя замуж за Долгорукого, она сопровождала его всю, отпущенную ему до плахи, жизнь. После казни мужа Н. Б. Долгорукая занималась воспитанием детей, написала для них замечательные мемуары, в которых запечатлела и личную жизнь, и ценные сведения о своей эпохе. Потом она удалилась в Киево-Печерскую лавру. Описывая воспоминания героини, расстающейся с прошлой жизнью и бросающей обручальное кольцо в реку, Рылеев, в сущности, предрёк судьбы жен декабристов, в частности – своей супруги, Натальи Михайловны, которая, пережив трагическую гибель мужа, воспитывала единственную дочь в почитании памяти казнённого отца.

О сильном нравственно-психологическом воздействии романтических образов поэзии Рылеева, свидетельствует воспоминание декабриста Н. В. Басаргина о том, как он читал своей супруге поэму «Войнаровский», и при этом «невольно задумался о своём будущем». На вопрос жены, о чем он думает, Басаргин предположил, что и его «ожидает ссылка». Жена ответила, что тоже разделит его участь [7, с. 76]. Возможно, так и было бы, если бы она не умерла в августе 1825 г. Ю. М. Лотман отметил, что «поэзия Рылеева поставила подвиг женщины, следующей за мужем в ссылку, в один ряд с другими проявлениями гражданской добродетели» [4, с. 182].

Нередко жен декабристов с их мужьями связывали идейное родство. Так, А. В. Розен вспоминал, что с женой, когда она была еще невестой, его связывало «не одно обручальное кольцо», но «единодушие в наших взглядах и желаниях» [8, с. 35–37]. Е. И. Трубецкая, П. В. Анненкова (Гёбль), а, возможно, и другие дамы еще до декабрьских событий 1825 г. знали о тайном обществе. Следователи настойчиво добивались от С. П. Трубецкого сведений о причастности к делу его жены. Н. Д. Фонвизину влекло в Сибирь глубокое религиозное чувство и духовное единство с её мужем М. А. Фонвизиним, которого она морально поддерживала и вдохновляла на творческую работу над воспоминаниями и историческими исследованиями в Сибири.

Несмотря на разнообразные затруднения, чинившиеся властями, жены декабристов упорно добивались права разделить участь осуждённых. Первой, в июле 1826 г., в Сибирь уехала Е. И. Трубецкая. Иркутский губернатор И. Б. Цейдлер использовал всевозможные бюрократические уловки, не давал лошадей, запугивал, стараясь вернуть ее обратно. Но Трубецкая подписала все требования, даже условия о детях, которые, родившись в Сибири, должны будут стать государственными крестьянами. Ехавшая в Сибирь в феврале 1827 г. А. Г. Муравьева, позволила чиновнику дочитать условия ее поездки только до параграфа о детях. Вырвав перо из рук чиновника, она подписала все условия со словами: «Довольно! Я еду!» [9, с. 410]. В феврале 1827 г. в Благодатский рудник приехала М. Н. Волконская, которой пришлось преодолеть не только сопротивление властей, но и отца, генерала Н. Н. Раевского, который считал, что дочь стремится в Сибирь из подражания романтическим героиням. Несмотря на трудные испытания, Волконская не жалела о своем поступке. В «Записках», написанных для сына и дочери, рожденных в Сибири, она оправдала дело декабристов: «кто кладет голову свою на плаху за свои убеждения, тот истинно любит отечество, хотя, может быть, и преждевременно затеял дело своё» [10, с. 327].

Е. П. Нарышкина, дочь генерала П. А. Кановницына, фрейлина императрицы Марии Федоровны, как милости, просила у императрицы разрешения следовать за супругом, М. М. Нарышкиным, на каторгу. Потом сопровождала его, когда он был переведён на Кавказ солдатом.

Некоторым жёнам декабристов пришлось преодолевать материальные затруднения, чтобы осуществить свое намерение ехать в Сибирь. Так, А. В. Ентальцева приехала вместе с Е. П. Нарышкиной за отсутствием средств на дорогу. М. К. Юшневской с трудом удалось собрать деньги на поездку, пришлось продать последнюю шубу и серебряные ложки.

Серьёзным ограничением для поездки жен декабристов в Сибирь были дети, которых запрещалось брать с собой. Неоднозначно в различных источниках оценивается тот факт, что многие жены декабристов в трагическом выборе между детьми и мужьями, решили сопровождать последних. Так, А. И. Давыдова оставила в имении Каменка на попечение родных мужа шестерых детей, о которых не переставала горевать даже, когда в Сибири родила ещё семерых. Давыдовы были многодетным и не самым богатым семейством. Они согласились отдать в казенные учебные заведения старших, рожденных в Сибири детей под фамилией Васильевы. М. Н. Волконская, оставив на Украине у близких маленького сына, уже через год испытала страшный удар от известия о его смерти. Н. Д. Фонвизина поручила семье брата мужа двоих сыновей, которые впоследствии умерли ещё юными. А. В. Ентальцева рассталась с дочерью от первого брака. Мучительно переживала расставание с тремя детьми А. Г. Муравьева. А. В. Розен передала на воспитание своей сестре сына, который, тяжело пережив расставание с матерью, потом выражал горечь и досаду по отношению к отцу (А. Е. Розену), «сделавшему на всю жизнь несчастным свое семейство» [11, с. 170]. Были и другие примеры. И. Д. Якушкин ради сыновей настоятельно отказался от приезда жены в Сибирь. Е. П. Оболенский отмечал «замечательную полноту убеждений» Якушкина в том, «воспитание и любовь матери – первые и лучшие проводники всех личных чувств» [12, с. 115]. А. В. Якушкина, хотя и болезненно переносила разлуку, всю душу вложила в детей. Обладая уникальными педагогическими способностями, она достойно воспитала сыновей Евгения и Вячеслава. Сын декабриста, историк и этнограф Е. И. Якушкин много сделал для развития декабристovedения [13, с. 132], [14, с. 351].

Нелегко было добиться поездки в Сибирь к И. А. Анненкову француженке Полине Гёбль. Невероятными усилиями она (через личную аудиенцию у императора) получила разрешение на брак с государственным преступником. Она отреклась от своей родины, оставила новорожденную дочь Александру на воспитание матери Анненкова. В Сибири у Анненковых было ещё шестеро детей. Их дочь, Ольга, записала воспоминания матери и сама много писала о декабристах, утверждая, что они воспитали в порастающем поколении самые благородные чувства, любовь к ближнему, понятия о благе России и об общественной пользе, которые «ставили выше всего» [10, с. 345].

По-разному трудно складывалась жизнь декабристов в Сибири: и на каторге (в Благодатском руднике, Читинском остроге, Петровском заводе), а некоторым было ещё труднее на поселении. В 1831 г. в Петровском заводе скончалась А. Г. Муравьева (в 28 лет), пережив тяжёлые испытания и потери. Она прилагала много сил и средств, чтобы поддержать мужа, Н. М. Муравьёва, и всех, нуждавшихся в помощи [15, с. 59]. Памятник на могиле А. Р. Муравьевой в Петровском заводе, сделанный декабристом Н. А. Бестужевым, стал местом паломничества для политкаторжан [8, с. 35–37]. В 1839 г. совсем молодой умерла при родах на поселении в Туринске жена В. П. Ивашёва, приехавшая к нему невестой в 1831 г., и он смог пережить её ровно на год. К детям-сиротам разрешили приехать матери К. П. Ивашевой, М. П. Ледантю, но уехать из Сибири они смогли только после общей амнистии декабристам [15, с. 200], [9, с. 412–413]. Не разрешили вернуться в родные места до амнистии, похоронившим мужей А. В. Ентальцевой, М. К. Юшневской, А. И. Давыдовой и др. Умерла от рака на поселении Е. И. Трубецкая. Как бы трудно им не было, эти женщины не падали духом. М. Н. Волконская на удивление сына ее нравственным выбором ответила: «Что же тут удивительного? Пять тысяч женщин каждый год делают добровольно то же самое» [8, с. 28]. А. И. Давыдова тоже говорила: «Это поэты из нас героинь сделали, а мы просто поехали за нашими мужьями» [8, с. 28].

Супруги, разделившие участь декабристов, действительно во многом облегчили их положение своими хлопотами. Они помогали и всем, кто нуждался в помощи. М. Н. Волконская шила рубахи каторжникам в Благодатском руднике. На выговор начальника рудника, Т. В. Бурнашева, утверждавшего, что преступников одевает государство, она ответила: «тогда прикажите сами их одеть, так я не привыкла видеть полуголых людей, разгуливающими по улице» [8, с. 55–58]. Часто жены государственных преступников буквально воевали с чиновниками разных уровней за улучшение условий жизни осуждённых. На М. Н. Волконскую и Е. П. Нарышкину писали доносы в Петербург. В одном послании сказано, что «их частные кружки служат сосредоточием для всех недовольных, и нет брани более той, какую они извергают на правительство и их слуг» [16, с. 408].

Места, где жили на поселении декабристы, оказывались в итоге настоящими культурными центрами Сибири. В декабристских кружках процветали литература, живопись, музыка, научные исследования. Жены декабристов принимали самое непосредственное участие в благотворительной, культурно-просветительской, хозяйственной деятельности. Это им присылалось огромное количество книг, различных журналов, музыкальные инструменты и т. п. Для них передавались родственниками из России деньги, благодаря чему возможны были солидные вклады в развитие общественно-культурной жизни, образования, строительства и т. д. Об этом сохранилось много свидетельств сибирских знакомых, друзей, воспитанников декабристов. Н. О. Балакшина писала, что «декабристы по приезде в Ялуторовск начали учить грамоте всех, кого только возможно» [10, с. 379]. М. Д. Францева вспоминала, что Фонвизины, получая разные журналы, русские и иностранные, следили за политикой и вообще за всем, что делалось в Европе [10, с. 387]. Она же и священник М. С. Знаменский сохранили интересные сведения о том, как И. Д. Якушкин основал в Ялуторовске две школы (с 1842 по 1846 г.) сначала для мальчиков, а потом и для девочек, в память покойной жены, А. В. Якушкиной. В этом деле активно участвовали декабристы, жившие в Ялуторовске и Тобольске (П. С. Бобрищев-Пушкин, М. А. Фонвизин и др.), и местные жители. На это дело пошло много средств, присылаемых декабристам из России [10, с. 379, 414]. Ученик М. А. Фонвизина, Н. А. Белоголовый, вспоминая о просветительском влиянии декабристов, показал, что одна открытая жизнь в доме Волконских способствовала развитию в иркутском обществе высоких культурных потребностей и вкусов. Многие чиновники и купцы стали «заботиться о том, чтобы дать своим детям по возможности совершенное образование». В неблагоприятные для русского просвещения 1840-е годы иркутская молодежь стремилась в университеты. Подчеркивая роль жён декабристов, доктор Белоголовый, подчёркивал, что «независимо от всякой политической тенденциозности», они могли бы служить «в женской педагогике» «идеальными примерами» [10, с. 356–358].

Таким образом, исторические обстоятельства и идейно-нравственные убеждения положили особый отпечаток на личные судьбы ярких представителей русской интеллигенции – участников декабристского движения и их близких, особенно жён, добровольно разделивших участь осуждённых и внесших немалый вклад в общественно-культурное развитие регионов, где им довелось находиться. Духовно-ценностные искания, общественная, благотворительная, просветительская деятельность этих людей являет много примеров бескорыстного служения нравственному идеалу.

Список использованных источников

- 1 Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. – Москва : Канон, 1998. – 400 с.
- 2 Лихачев, Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию Новый мир – 1993. – № 2. – С. 3–9 [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://lib.ru/POLITOLOG/lihachev.txt>. – Дата доступа : 27.03.2015.
- 3 Герцен, А. И. Былое и думы / А. И. Герцен. – Минск, 1987. – 559 с.
- 4 Лотман, Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. – Минск : Просвещение, 1988. – С. 158–205.
- 5 Законоположение Союза благоденствия // Декабристы. Избр. соч. – В 2 т. / сост. и прим. А. С. Немзера и О. А. Проскурина. – Москва : Правда, 1987. – Т. 1. – 544 с.
- 6 Рылеев, К. Ф. Сочинения / К. Ф. Рылеев. – Москва : Правда, 1988. – 352 с.
- 7 Басаргин, Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи / Н. В. Басаргин. – Иркутск : Вост.-Сибир. книж. изд., 1988. – 543 с.
- 8 Павлюченко, З. А. В добровольном изгнании. – Москва : Наука, 1984. – 160 с.
- 9 Лорер, Н. И. Записки моего времени // Мемуары декабристов / сост., вст. ст. и коммент. А. С. Немзера – Москва : Правда, 1988. – С. 313–545.
- 10 Декабристы в воспоминаниях современников / сост., ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова – Москва : МГУ, 1988. – 508 с.
- 11 Филин, М. О. О декабристах и декабризме // Москва. – 1993. – № 6. – С. 166–175.
- 12 Оболенский, Е. П. Воспоминания // Мемуары декабристов. Северное общество / Е. П. Оболенский. – Москва : МГУ, 1981. – С. 77–120.
- 13 Иван Дмитриевич Якушкин (1793–1857) Якушкин, И. Д. Четырнадцатое декабря. Дневник А. В. Шереметьевой // Русские мемуары. Избр. Стр. 1800–1825 / сост. вст. ст. и прим. И. И. Подольской; Биогр. очерки В. В. Кунина и И. И. Подольской. – Москва : Правда, 1989. – С. 387–420.
- 14 Лебедев, А. А. Честь. Духовная судьба и жизненная участь И. Д. Якушкина / А. А. Лебедев. – Москва : Изд. полит. лит., 1989. – 399 с.
- 15 Воспоминания Полины Анненковой с приложением воспоминаний ее дочери О. И. Ивановой и материалов из архива Анненковых / П. Е. Анненкова. – Красноярск : Красноярское книж. изд., 1977. – 328 с.
- 16 Щёголев, П. Е. Исторические этюды / П. Е. Щёголев. – Санкт-Петербург : Шиповник, 1913. – 443 с.

Н. В. Корникова

г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ СНИЛ «ДРУЗЬЯ МУЗЕЯ», ДЕЙСТВУЮЩЕЙ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

На современном этапе высшая школа выступает в качестве одного из важных общественных институтов, обеспечивающих не только реализацию учебно-педагогиче-